ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

Фигурант

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Фигурант / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-253335-8

Ноябрь 1950 года. Москва. В роскошной квартире на Мещанской среди мехов, золота и дорогих вещей находят убитую Антонину Крапивину, вдову умершего в лагерях вора в законе. Дверь не была взломана. Хозяйка сама впустила убийцу. На полу осталось лежать окровавленное кашне. Рядом кухонный нож, которым был нанесён

ЕДИНСТВЕННЫЙ УДАР В СЕРДЦЕ.

Следователь Аркадий Никитин уверен: кашне подбросили намеренно. Оперативник Иван Кочкин замечает другое: обыск был какой-то странный, словно убийца лишь

СОЗДАВАЛ ВИДИМОСТЬ ОГРАБЛЕНИЯ.

Вскоре в деле появляется человек по прозвищу Музыкант. Никто не видел его в лицо, потому что он переодевается и мастерски меняет внешность. Преступник входит в доверие к состоятельным вдовам и исчезает вместе с деньгами. Но похищенное им золото не всплывает ни на чёрном рынке, ни у перекупщиков, а сами пострадавшие не спешат писать заявления в милицию. Этот Музыкант становится

ГЛАВНЫМ ФИГУРАНТОМ ДЕЛА.

Но Никитина внезапно отстраняют от расследования и отправляют под домашний арест. Причина странная и нелепая: в его квартире выстрелом из табельного пистолета был убит гостивший там друг детства. Единственный подозреваемый – сам Никитин.

Убийца Крапивиной не найден. Деньги исчезли. А настоящий преступник уже понял, что следователь идёт по его следу и готовит ему ловушку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253335-8

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1
ХМУРОЕ УТРО

Ноябрь пришел в Москву неслышно, будто серый бездомный пес, продрогший и усталый. Он лег на крыши и тротуары, и город притих под его тяжелым, сырым боком. Раннее воскресное утро, шесть часов. За окном, в густой темноте, падал мокрый снег, тяжелыми хлопьями прилипая к стеклу. Он не летел красиво и не кружился — он просто шлепался о подоконник и тут же превращался в грязную воду.

В комнате было тепло и покойно. Покой в комнате держался на нескольких тихих звуках: ровном дыхании Вари, сонном сопении Машеньки да редком лае с улицы.

Никитин уже не спал. Он лежал с открытыми глазами, глядя в беленый потолок, который казался в утреннем полумраке низким и тяжелым, как тучи за окном. Это были те редкие минуты тишины, вырванные у службы, у города и у чу-

жих бед. Короткая передышка, позволяющая думать о семье, о доме, о будущем дочери.

Мысли шли неторопливо, осторожно, как будто боялись разбудить дом. Нужно, наконец, заняться дверцей буфета, которая скрипит так жалобно, словно просит о помощи. Скоро Новый год, пора доставать с антресолей старую картонную коробку с елочными игрушками. Он помнил, как в прошлом году Машенька, еще совсем крошечная, тянула ручки к стеклянному шару, и в ее глазах отражался блеск гирлянды. Он улыбнулся в темноту.

Стараясь не издать ни звука, Аркадий осторожно высвободил руку из-под головы Вари и сел на кровати. Посидел мгновение, затем на цыпочках, стараясь не наступать на самую скрипучую половицу у комода, подошел к детской кроватке. Машенька спала, смешно раскинув ручки. Он поправил сбившееся одеяльце, едва коснувшись пальцами теплой щеки дочери, пахнущей молоком и сном.

На кухне он включил настольную лампу, поставил на плиту чайник. Варя, кутаясь в старый шерстяной халат, зашла к нему минуту спустя. Он обернулась на ее шаги, и на его лице появилась мягкая, сонная улыбка.

— Не спится? — тихо спросила Варя.

— Старость, Варенька, — так же тихо отозвался Аркадий, опускаясь на табуретку. — Нога ноет, сон не идет.

— Придумаешь тоже, старость, — она покачала головой, но в глазах ее мелькнула тревога. — Ты просто устал, Аркадий. Сильно устал.

Он взял ее руку — прохладную, с тонкими пальцами. Разговор о его усталости был той тонкой гранью, за которую они старались не заходить. Его работа была похожа на глубокий омут: стоило лишь заглянуть в него, как неуправляемая сила начинала затягивать в холодную вязкую тьму их хрупкий домашний мир.

— Цикорий будешь? — спросила Варя.

— Буду.

Она сняла с плиты чайник, начала расставлять на столе чашки.

— Нужно в магазин зайти, хлеба нет совсем. И масла бы. Ты картошку всю доел вчера?

— Ага, — признался он. — Вкусная очень. Оторваться не смог.

— Я так и поняла. Значит, и картошки надо взять. Тебе не дует из нового окна? А то мне ночью показалось...

Их тихий, будничный разговор о простых и понятных вещах был тем самым спасательным кругом, который держал их на плаву. Банальные слова о хлебе, ремонте, уюте строили вокруг них невидимую стену, защищающую от внешнего мира.

Внезапно эту стену пробил резкий, требовательный звонок телефона. Черный бакелитовый

аппарат на стене в коридоре ожил и начал требовать к себе внимания.

Супруги переглянулись. Улыбка сошла с лица Вари. Взгляд Никитина в одно мгновение стал другим — холодным и безэмоциональным. Оба хорошо знали, что означает звонок в выходной день в шесть утра.

Никитин поднялся, прошел в коридор и снял тяжелую, холодную трубку.

— Майор Никитин слушает.

Голос в трубке звучал сухо и буднично. Дежурный докладывал ровным и, казалось, совершенно равнодушным голосом:

— Труп, товарищ майор. Женщина. В своей квартире на Первой Мещанской. Предварительно — ножевое. Адрес...

Никитин слушал молча, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов. Он знал, что дежурный в таких ситуациях просто зачитывает текст по бумаге и он не знает никаких подробностей, кроме того, что написано.

— Оперативников оповестили? — коротко спросил он. — Орлова и Кочкина? Хорошо. Выезжаю.

Когда он вернулся на кухню, Варя уже принесла из комнаты чистую рубашку и свитер. Она не задавала вопросов, все понимая без слов. Он быстро оделся. Варя затолкала в карман его куртки бутерброд, завернутый в газету. Никитин

на цыпочках вернулся в комнату, наклонился над кроваткой и поцеловал сонную Машеньку в теплую макушку. Варя стояла у двери, молча глядя на него. Он обнял ее, вдохнул родной аромат ее волос.

— Я постараюсь недолго, — произнес он привычную фразу, которую повторял всякий раз в подобной ситуации и которая ровным счетом ничего не значила.

Варя прижалась к нему на мгновение.

— Мы тебя ждем, — тихо ответила она. — Мы тебя любим.

Это была ее традиционная молитва. Он кивнул, надел шляпу и вышел за дверь. Спокойная жизнь закончилась. Началась работа.

Глава 2
АВТОГРАФ УБИЙЦЫ

Ноябрьская Москва была похожа на старую, выцветшую фотографию: все оттенки серого смешались в единое унылое полотно. Мокрый снег, тяжелый и липкий, превращался под ногами в жидкую грязь, в которой вязли ботинки. Редкие фонари отбрасывали на тротуар тусклые, размытые пятна света, отражаясь в неглубоких лужах, подернутых ледяной коростой. Город еще безмятежно спал, и в этой тишине шаги Никитина звучали одиноко и гулко.

У самого тротуара, приткнувшись к бордюру, темнела служебная «Победа», и когда Никитин открыл дверцу, ему в лицо выкатилось облако табачного дыма. За рулем сидел оперуполномоченный Иван Кочкин, молчаливый и основательный, как человек, которому давно все ясно без лишних слов. Он коротко кивнул, приветствуя начальника. Рядом с ним расположился старший

лейтенант Виктор Орлов, молодой, подтянутый, с цепким и наглым взглядом.

— Здравия желаю, Аркадий Петрович, — бодро произнес Орлов, поворачиваясь. — А мы уж думали, вы решили воскресный день как положено провести.

— Вот сейчас и проведем его как положено, — проворчал Никитин, усаживаясь на заднее сиденье. Дверца захлопнулась с тяжелым, глухим стуком. — Трогай, Иван.

Машина плавно двинулась с места, шурша шинами по мокрой брусчатке. Кочкин вел уверенно, объезжая глубокие ямы.

— Рассказывай, Виктор. — Никитин достал папиросы, размял одну в пальцах.

Орлов тут же щелкнул зажигалкой и протянул огонь.

— Крапивина Антонина Семеновна, девятьсот первого года рождения. Официально — вдова инженера-путейца, погибшего на фронте. Сама нигде не работала. Проживала одна в трехкомнатной квартире на Мещанской. По словам соседей, жила Крапивина небедно: меха, золото, дорогие вещи. Не всякая вдова могла себе такое позволить. Откуда дровишки — вопрос открытый.

— Кто обнаружил?

— Соседка. Бабуля, лет под восемьдесят. У них был уговор: каждое утро Крапивина ей

молоко приносила от молочницы. А бабуля взамен присматривала за квартирой, когда Крапивина отлучалась. У бабули старческая бессонница. Вышла на лестничную площадку под утро, чтобы половик подмести. Дверь, говорит, у Крапивиной была не заперта, а только притворена. Она и заглянула. Ну и, собственно, все. Вызвала милицию.

Никитин молчал, глядя в окно на проплывающие мимо серые фасады домов. Огонек папиросы тлел в полумраке салона.

— Замок вскрыт? — спросил он, не поворачивая головы.

— В том-то и дело, что нет, Аркадий Петрович. Замок целый, английский, хороший. Никаких следов взлома. Похоже, Крапивина сама гостя впустила. Либо он аккуратно работал отмычкой.

— Что-то пропало на первый взгляд?

— Пока неясно. В квартире следы обыска, но такого, знаете... аккуратного, избирательного. Что именно пропало и в каком количестве — сказать трудно. У потерпевшей родственников нет. А соседей она к себе не пускала.

Никитин затянулся в последний раз и выбросил окурок в приоткрытое окно. Машина остановилась у массивного дома дореволюционной постройки, с потрескавшейся лепниной на фасаде и темными провалами окон. У подъезда, ежась

от сырости, переминался с ноги на ногу молодой участковый. Он вытянулся при виде Никитина и отрапортовал.

На широкой лестничной площадке второго этажа их уже ждал судмедэксперт Игорь Борисович Громов, пожилой сутулый мужчина с идеально гладкой коричневой лысиной.

— Здравствуй, Аркадий, — сказал он вместо приветствия. — Опять у тебя работа в неурочный час.

— Привет, Борисыч. Что скажешь?

— Скажу, что женщине сильно не повезло. Один удар, но точный. В сердце. Оружие — хорошо сточенный от многолетнего пользования тонкий кухонный нож. В общем, убита профессионально, без лишней суеты, без драки и сопротивления. Смерть наступила практически мгновенно, часов восемь-десять назад.

У распахнутой настежь двери в квартиру стояли два милиционера, курили, негромко переговариваясь друг с другом. При виде Никитина спрятали окурки в рукавах шинелей и отдали честь. Никитин вошел внутрь.

В нос ударил тяжелый, приторный запах дорогих духов, смешанный с едва уловимым медным запахом крови. Квартира действительно была обставлена с претензией на роскошь: массивная резная мебель из темного дуба, тяжелые бархатные портьеры на окнах, ковры на полу.

На полках этажерки теснились фарфоровые пастушки и танцовщицы. Но вся эта дорогая обстановка была осквернена грубым вторжением. Дверцы шкафов и буфетов распахнуты, ящики комода выдвинуты, их содержимое частично вывалено на пол. Кто-то явно спешил и не слишком заботился о порядке.

Прямо посреди комнаты, на полу, лежало скомканное и сильно выпачканное в крови темное шерстяное кашне в шотландскую клетку. Вокруг него кольцом выстроились пустые молочные бутылки.

— Это что за хоровод? — спросил Никитин.

— Да это я ограждение смастерил, — смущенно усмехнулся эксперт, поднимая с пола бутылки. — Чтоб милиционеры случайно на кашне не наступили... Важный вещдок...

Тело женщины лежало на ковре возле продавленного и местами потертого кресла. Похоже, она сидела в нем, когда ее убивали, пыталась встать, но лишь сползла на пол. Никитин не спешил подходить к телу. Он стоял на пороге комнаты, обводя ее медленным, внимательным взглядом, запоминая каждую деталь, каждую мелочь. Он искал то, что не вписывалось в этот беспорядок и могло бы вывести на след.

— Опроси соседей, если кто-то из них уже проснулся, — бросил он через плечо Орлову. — Тихо, без шума. Кто что видел, кто что

слышал. Кто к ней приходил вчера вечером и вообще в последнее время.

Оперативник молча вышел. Громов присел на корточки у тела. Никитин медленно пошел по комнате, стараясь ни к чему не прикасаться. Кашне он поднял двумя пальцами, поднес к утреннему свету, идущему из окна.

— Борисыч, — сказал он. — Определи, действительно ли это пятна крови. Если да, то совпадает ли с группой крови убитой.

— Сделаем, Аркадий, — ответил эксперт, взял кашне пинцетом, положил на лист пергаментной бумаги и завернул.

— Кашне явно мужское. Недешевое, — раздумывал вслух Никитин. — По пальцам можно пересчитать, кто такие в Москве носит. — И так неосмотрительно оставить это здесь... Орудие убийства где?

Кочкин, все это время стоявший в дверном проеме, подошел к креслу и кивнул под ноги.

— Вот лежит. Мы не трогали.

— Правильно.

Никитин зашел за кресло, опустился на корточки, рассматривая длинный и тонкий кухонный нож, некогда широкое лезвие которого теперь напоминало обгрызенную хлебную корку.

— И остатки крови на ноже.

Он заглянул в спальню, потом в кабинет. Везде была та же картина непоследовательного,

хаотичного обыска. Подушка с кровати сброшена на пол, из книжного шкафа выпала пара книг...

Вернувшись в гостиную, Никитин остановился у кресла.

— Следов сопротивления нет? — спросил он у Громова.

— Во всяком случае, ни царапин, ни синяков я не нашел. Она сидела в кресле, расслабленная. Вероятно, хорошо знала убийцу.

Никитин кивнул, соглашаясь. Его взгляд скользил по полу, по ворсу дорогого ковра. И тут он заметил: прямо у самого края ковра, почти у ножки кресла, лежал какой-то крохотный, невзрачный лоскуток. Что-то светлое, едва отличимое от узора.

— Пинцет, — попросил он.

Громов взял из своего саквояжа длинный медицинский пинцет и протянул следователю.

Никитин осторожно подцепил предмет и поднес к глазам. Это был крохотный, неправильной формы кусочек кожи телесного цвета, размером не больше ногтя. По его краю шла частая, аккуратная строчка, сделанная, наверняка вручную. На обратной стороне виднелись едва заметные следы сухого казеинового клея. Что-то похожее на крохотную заплатку. Или на декоративную деталь сумки, обуви.

В комнату бесшумно вошел Орлов.

— Соседка снизу говорит, что вчера вечером слышала низкий мужской голос. Но не придала значения. У Крапивиной в последние пару недель часто бывали гости, музыка, смех.

Никитин не ответил. Он аккуратно переложил находку в маленький бумажный конверт.

— Что это? — с любопытством спросил Кочкин, заглядывая через плечо Никитина.

Никитин запечатал конверт и посмотрел на опера долгим взглядом, в котором не было ни удивления, ни спешки.

— Пока не знаю, Ваня, — произнес он. — В любом случае эта штуковина, в отличие от кашне и ножа, не сразу бросается в глаза.

Отряхивая брюки от пыли, в комнату зашел Орлов. Он только что облазил все самые пыльные углы квартиры.

— Получается, — произнес он, кивая на полки книжного шкафа, — гость сначала убил Крапивину, а после этого начал что-то искать. Причем что-то найти в такой заваленной барахлом квартире очень непросто. Тут работы на несколько часов.

— Почему ты думаешь, что он сначала ее убил? — уточнил Никитин.

— Начни он обыск при живой, женщина обязательно стала бы плакать, кричать, уговаривать. Но она не кричала. Соседка снизу вообще ее голоса не слышала.

Прохаживаясь по комнате, заложив руки за спину, Никитин вслух размышлял:

— Гость в шерстяном кашне приходит к Крапивиной вчера поздно вечером. Она сама открывает дверь и впускает его. Из квартиры иногда доносится тихий мужской голос. Потом гость вдруг хватает кухонный нож, убивает хозяйку, вытирает руки собственным кашне и начинает что-то искать. Ищет он довольно странно.

— Из трюмо выдвинут всего один ящик, — подсказал Орлов. — Оставшиеся три, по всей видимости, он не проверял. С кровати сброшена только одна подушка. Вторую не тронул. А под ней можно спрятать килограмм золота.

— А что касается книг... — прервал Никитин. — Ваня, скажи, как бы ты поступил, чтобы убедиться, что за книгами ничего не спрятано?

— Скидывать на пол не стал бы, — ответил Кочкин. — Это слишком шумно. Я бы положил все тома на корешок, чтобы можно было просунуть руку за книги и проверить на ощупь.

Громов начал укладывать в саквояж кисточки.

— Я снял все отпечатки пальцев, которые тут были, — сказал он. — А также на затворной раме нашел шерстяные волокна от драпа. Больше ничего.

Глава 3
СПЕКТАКЛЬ БЕЗ ЗРИТЕЛЕЙ

Дворники с надрывным скрипом елозили по лобовому стеклу, сгоняя в стороны липкий снег, но мир за окном все равно казался мутной, серой акварелью. Машина медленно катилась по пустынным улицам, и гул ее мотора казался единственным живым звуком в этом застывшем ноябрьском сумраке.

Несколько минут ехали молча. Каждый думал о своем, осмысливая увиденное в квартире на Мещанской. Первым тишину нарушил Орлов. Он всегда чувствовал себя неловко среди молчащих коллег.

— Сумбурная какая-то кража, Аркадий Петрович, — произнес он, глядя на спидометр с дрожащей стрелкой. — Такое чувство, что он хватал первое, что под руку попадется. На мой взгляд, тут два варианта. Либо он очень сильно торопился...

— ...Либо его спугнули, — озвучил свою версию Кочкин, не отрывая взгляда от дороги. Его голос, как всегда, был ровным и негромким. — Мог услышать шаги на лестнице, скрип двери у соседей. Мало ли.

— Именно, — подхватил Орлов, оборачиваясь к Никитину. — Услышал шум, бросил все и ушел. Поэтому и подушку вторую не перевернул, и трюмо как следует не проверил. Обычная история.

Никитин смотрел в окно на мелькающие чугунные ограды, на редких прохожих в пальто с поднятыми воротниками. Он не спешил с ответом, позволяя своим оперативникам полностью высказаться.

— Шум, Витя, говоришь? — наконец негромко спросил он. — А какой шум мог спугнуть человека, который только что хладнокровно убил хозяйку квартиры? Он не домушник, который в форточку залез. Он был в гостях. Ударил ножом и остался в квартире наедине с трупом. Он уже перешагнул черту, после которой скрип соседской двери не пугает, но заставляет затаиться, а при случае снова убить.

Орлов нахмурился, обдумывая слова начальника.

— Может, он ждал кого-то? Сообщника? А вместо него в дверь постучал кто-то другой?

— Может быть, — неопределенно согласился Никитин. — Но даже если он торопился, Виктор, даже если у него была всего минута, он действовал бы иначе. В спешке человек действует инстинктивно, ищет там, где ценности прячут чаще всего. Под матрасом, в белье, в книгах, в банках с крупой на кухне. А наш гость сдернул одну подушку, открыл один ящик комода и распахнул шкаф с платьями. Нелогично. Это все равно как если бы умирающий от голода человек забрался ночью в ресторан, но вместо того, чтобы сразу направиться на кухню, зачем-то начал искать еду в гардеробе.

Он достал из кармана тот самый маленький бумажный конверт, повертел его в пальцах, но не открыл.

— Нет, — сказал он после паузы, и в его голосе появилась твердость. — Он не торопился. И его никто не спугнул. Все, что мы видели в квартире, — это спектакль. Имитация ограбления.

В машине повисла тишина, нарушаемая лишь скрипом дворников. Орлов, обернувшись, посмотрел на Никитина с недоумением. Даже невозмутимый Кочкин бросил на начальника быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— Спектакль? — переспросил Орлов. — Зачем? Чего убийца хотел добиться?

— Чтобы мы с тобой, Виктор, кинулись на поиски украденного. Чтобы мы начали отрабатывать базары, вокзалы, скупщиков. Чтобы мы искали человека, убившего ради ценностей, которые там хранились. А настоящий мотив остался бы в тени. Наш гость не грабитель. Он — декоратор. Он хотел, чтобы мы увидели следы кражи, хотя наверняка знал, что красть в той квартире нечего.

Никитин протянул конверт сидящему рядом эксперту Громову.

— План действий такой. Через пару часов, когда люди окончательно проснутся, вы с Иваном возвращаетесь на Мещанскую. Мне нужна любая информация обо всех, кто приходил к Крапивиной за последние две недели. Молочница, почтальон, подруги, любовники. Соседи — ваш главный ресурс. Старушки на лавочках, дворник. Они видят и слышат все. Мне нужен подробный словесный портрет каждого гостя, но особое внимание уделите тому, кто приходил к Крапивиной вчера. Рост, одежда, манера говорить, особые приметы. Все до последней мелочи.

Он сделал паузу, прикуривая.

— Второе. Сделайте запрос по Крапивиной. Я хочу знать о ней все. Как давно живет на Мещанской, где жила до этого и на какие средства. Что известно про ее мужа-инженера, где служил, и хорошо бы разыскать сослуживцев. Мне